

И.А. Лобакова

«Коломенские чудеса» в составе Заразского цикла

Ансамбль разножанровых произведений, объединенных (в различной степени) темой образа Николы Корсунского, получил название цикла повестей о Николе Заразском. В полном составе цикла читаются: 1) «Сказание о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань» (рассказ о событиях, отнесенных к 1225 г.); 2) «Повесть о разорении Рязани Батыем» (1237 г.); 3) «Коломенские чудеса» (первое из двух содержит дату 1514 г.); 4) «Род поповский» (доведен до 1561 – 1615 гг.). В таком полном виде в рукописной традиции цикл встречается крайне редко (в единичных списках). Если быть более точными – в двух (один из которых дефектный). Таким образом, рассуждая о «Заразском цикле», необходимо учитывать весь объем рукописного материала, который позволит определить значение этого цикла в истории бытования включенных в него памятников. Вполне уместно обратиться к наблюдениям Элизы Малэк, сделанным на другом материале, но связанным с проблемой циклизации: «В рамки цикла (как показывает уже самый беглый перечень) могут включаться исследователями произведения как одного, так и разных жанров, созданные в одно и то же время, и сочинения разного времени, тексты принадлежащие как одному, так и разным авторам ... что заставляет отнестись ... к употреблению и так не очень ясного, но, несомненно, модного термина с некоторой недоверчивостью и осторожностью»¹.

Следует признать, что говорить об устойчивости Заразского цикла крайне затруднительно. Во-первых, могла меняться последовательность произведений: «Сказание о перенесении Николина образа» – «Род поповский» – «Повесть...»; «Сказание...» – «Повесть...» – «Род поповский» – «Коломенские чудеса». Во-вторых, цикл в подавляющем большинстве списков читается в неполном виде: «Сказание...» – «Повесть...», «Сказание...» – «Повесть...» – «Род поповский»; «Сказание...» – «Повесть...» – «Коломенские чудеса» (чаще – только 1-е чудо); «Сказание...» – «Коломенские чудеса». В-третьих, составители сборников часто объединяли «Повесть о разорении Рязани Батыем» с другими воинскими повествованиями: «Повестью о битве на реке Калке», «Сказанием о Мамаевом побоище», «Казанской историей». В таком случае «Повесть...» составляла «ансамбли» (по определению Д.С. Лихачева) с другими произведениями, образуя тематические циклы в исторических сборниках. В-четвертых, Зараз-

¹ Малэк Элиза. Разыскания по русской литературе XVII – XVIII вв.: Забытые и малоизученные произведения. СПб., 2008. С. 195.

ский цикл нередко бывал расширен легендарной повестью об убиении Батгя (смерть предводителя монголо-татарского войска от руки угорского королевича Владислава отнесена к 1245 г.), причем это произведение могло читаться после «Повести о разорении Рязани» любой из старших редакций и в разных сочетаниях с другими произведениями Заразского цикла². Необходимо также отметить, что если «Повесть о разорении Рязани Батыем» – самое старшее из составляющих цикл произведений – дошла до нас в значительном числе редакций (Д.С. Лихачев выделил 10³, позже нами были обнаружены еще 2 редакции – Дополненная и Особая⁴), то другие произведения цикла представлены лишь двумя-тремя вариантами.

Таким образом, рассуждая о цикле повестей о Николе Заразском, мы должны иметь в виду, что это достаточно условное понятие. В.Л. Комарович, впервые обратившийся к изучению истории текста, рассматривал в качестве такого цикла «Сказание о перенесении Николина образа из Корсуна в Рязань» и «Повесть о разорении Рязани Батыем», которую делил на отдельные «повести» (о взятии Рязани, о Евпатии Коловрате, о возвращении в Рязань князя Ингваря и «Похвала рязанскому княжескому роду»), в качестве пятого эпизода цикла рассматривал перечень зарайских священнослужителей. Д.С. Лихачев, который, собственно, и ввел в научный оборот понятие «Заразский цикл» и издал тексты всех входящих в него произведений, тем не менее не единожды отмечал «разновременность, разнотипность и неравноценность» (в художественном смысле) составляющих цикл произведений⁵. Ученый сделал чрезвычайно важный вывод о том, что «весьма различно и отношение отдельных частей

² См., например: РГБ. Румянц, собр. № 378 (Сказание + Повесть / ред. А/ + легендарная повесть + Род поповский); БАН 16.15.8 (Сказание + Повесть / ред. А/ + легендарная повесть + Род поповский); БАН 16.17.21 (Сказание + Повесть / ред. А/ + легендарная повесть); ГИМ. Синод, собр. № 409 (Повесть / ред. А/ + легендарная повесть; ГИМ. Собр. Уварова. № 1876 (Сказание + Повесть / ред. Б 1/ + Род поповский + легендарная повесть); РНБ. Собр. Погодина. № 1574 (Повесть / ред. Б 1/ + Род поповский + легендарная повесть); РНБ. Q. 1. 398 (Сказание + Повесть / ред. Б 2/ + легендарная повесть).

³ Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском // ТОДРА. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 257 – 281. Ученый выделил 3 основных редакции – редакцию А и редакцию Б 1-го и 2-го видов, к которым восходят созданные в XVI – XVII вв. все другие редакции: Хронографическая, Стрелецкая, Распространенная, Риторическая, Воинская редакция Сказания 1-го и 2-го видов). Там же приведены научные издания текстов каждой редакции.

⁴ См.: Лобакова И.А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в новых редакциях XVII в. // ТОДРА. Л., 1992. Т. 45. С. 379 – 389. Другая классификация списков была предложена Б.М. Клоссом. См.: Клосс Б.М. Избранные тр. Т. 2. Очерки по истории русской агнографии XIV – XVI веков. Агнография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М., 2001. С. 411 – 456. Анализ этой работы см.: Лобакова И.А. Заметки по текстологии «Повестей о Николе Заразском» (Отклик на концепцию Б.М. Клосса) // Русская агнография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 761 – 783.

⁵ Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском... С. 258.

цикла к самой иконе Николы. В Зарайске (а впоследствии и в Коломне) были соединены в местный цикл различные по происхождению повести: и те, которые имели узко местное значение, и те, которые имели значение общерусское. Местные интересы сказываются только в церковной части цикла и в самом факте объединения отдельных повестей по «местному» принципу⁶. Сложение этого цикла Д.С. Лихачев относил ко второй трети XVI в. Подробный анализ соотношения Заразского цикла и истории сложения культа Николы Заразского предложен в работе Анджея Поппэ⁷. 1530-ми гг. ученый датировал не только составление цикла, но и формирование самого культа Николы Зарайского. Хотелось бы отметить, что А. Поппэ опирался в своих доказательствах на мнение о том, что иконы Николы Зарайского известны лишь с первой трети XVI в. Однако, как известно, в собрании Третьяковской галереи находятся 3 памятника данного иконописного типа, которые датируются первой половиной или серединой XIV в.⁸ К этому же времени относится новгородская икона «Никола Зарайский с житием в 16-ти клеймах» из погоста Озереве, хранящаяся в собрании Русского музея⁹. Причем в ранних списках иконы не имеют именования «Зарайский». Одна из них имеет надпись «Никола святитель». Вполне вероятно, что иконописный тип, получивший в XVI в. название «Никола Зарайский», мог поглотить более раннее почитание Николы Корсунского¹⁰. В качестве косвенного доказательства такой гипотезы, как представляется, следует рассматривать тот факт, что и в тексте «Сказания о перенесении Николина образа» (в том числе в эпизоде о погребении князя Федора, Евпраксии и их сына Ивана), и в обоих Коломенских сказаниях образ назывался «Корсунским» или «Корсунским и Заразским».

⁶ Там же.

⁷ Поппэ А. К начальной истории культа св. Николы Заразского // *Essays in Honor of A.A. Zimin / Ed. by D. Waugh. Columbus, 1985. P. 289 — 304.*

⁸ 1) Никола Зарайский и апостол Филипп (новгородская икона из Ильинской церкви с. Телятниково в Заонежье); 2) Никола Зарайский с житием (ростовская икона из с. Павлово); 3) Никола Зарайский с житием (костромская икона). См.: Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1. Древнерусское искусство X — начала XV века. М., 1995. С. 76 — 77, 114 — 117, 126 — 127.

⁹ См.: Святой Николай Мирликийский в произведениях XII — XIX столетий из собрания Русского музея. СПб., 2006. С. 48 — 49. Следует отметить, что в XVI в. иконы этого типа находились в с. Ракомо близ Новгорода (С. 66 — 67); в селе Большие Соли между Ярославем и Костромой (С. 70 — 71); в Георгиевской церкви Теребушского погоста Старой Ладogi (С. 72 — 73). Таким образом, ареал распространения икон с изображением Николы, представленного «в рост, в полном епископском облачении... с распростертыми в стороны руками, одной из которых он благославляет, а в другой держит закрытое Евангелие», был чрезвычайно широким.

¹⁰ Один из примеров подобной практики подробно рассмотрен в исследовании И.А. Шалиной. См.: Шалина И.А. Богоматерь Эфесская — Полоцкая — Корсунская — Торопецкая: Исторические имена и архетип чудотворной иконы // *Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 200 — 251.*

Произведения цикла (кроме «Повести о разорении Рязани Батыем») объединены темой чудес Николы и его иконы. В «Сказании о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань» святитель трижды является священнику Евстафию, решительно понуждая его перенести свою икону в далекую Рязанскую землю; позже чудотворец явился князю Феодору Юрьевичу с извещением о своем прибытии и предсказанием царствия небесного княжичу и его будущей семье. В этом же «Сказании...» четко обозначены темы наказания за ослушание и исцеления раскаявшегося. Так, во время второго явления Евстафию, Никола, «утыкая в ребра», велит ему торопиться с отъездом из Херсонеса. После того, как священник стал медлить, на него напала слепота и стала донимать головная боль. Раскаяние излечило Евстафия и позволило ему отправиться в путь. Его жена Феодосия была наказана более тяжело: в Новгороде она скрылась от мужа, решив остаться в полюбившемся ей городе. Она лежала обездвиженная, едва живая. Только молитва Евстафия к Николе спасла женщину от смерти. Очевидно, что сюжет «Сказания...» построен как классическая реализация мотивов видения человеком святого/иконы, странствия (по велению святого/иконы), наказания за ослушание и исцеление после покаяния. Текст «Сказания о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань» состоит из 4 эпизодов, различных по стилю и достаточно слабо связанных сюжетно. Первый из них — сообщение о битве на реке Калке в 1223 г. Во втором эпизоде еще раз повторяется известие о «приходе» святыни в пределы Рязанские, но главное место отведено рассказу о крещении в Корсуне князя Владимира Святославича. Причем, рассказ этот в целом никак не связан с темой иконы Николы, кроме слов о том, что «стоял чудотворный образ во граде Корсуни посреди града, близ церкви», где крестился Владимир. Третий — наиболее разработанный и яркий — о странствии Евстафия. В четвертом содержится краткое повествование о явлении Николы князю Феодору, сообщение о приходе Батыев, убийстве им рязанского посольства во главе с князем и самоубийстве Евпраксии с маленьким сыном.

В отличие от «Сказания о перенесении Николина образа...», Коломенские эпизоды имеют четко выстроенный линейный сюжет и, казалось бы, в значительно большей степени ориентированы на каноническую жанровую форму сказания о чудесах. Позволим себе напомнить сюжеты этих двух эпизодов. Первый из них повествует о том, как, убоявшись набега татар в 1514 г., зарайские священники взяли образ Николы и пришли в Коломну. Епископ Митрофан встретил с честью икону, которая явила в городе многие чудеса исцеления, о чем был извещен царь Василий Иванович. В честь иконы поставили храм,

а список с нее вернули в Зарайск. Священники служили «на два престола». Серебряник Козлок украл ночью оклад с образа. Святитель Никола явился праведному мужу Созонту Киселеву, который долгие годы лежал без движения, рассказал, что образ его во дворе Козлока за рекой Коломенкой, и велел сообщить об этом епископу. Излеченный святым Созонт поведал о чуде Митрофану и открыл место нахождения образа. Епископ с образом Николы в руках в сопровождении людей и Созонта пришел во двор Козлока, который отдал украденное. Возвращаясь в город, процессия с образом проходит мимо глухонемого нищего Климента, который исцеляется от своего недуга. Извещенный о происшедших чудесах царь жалует священников и просит молиться за него и за его семью.

Второй Коломенский эпизод рассказывает о печали зарайских священнослужителей, разлученных со своей святыней. В Крестопоклонное воскресенье 9 марта в третьем часу дня пономарь вошел в церковь и увидел, что чудотворный образ Николы стоит на своем месте, заменив список, который был прислан по приказу царя. Объятый страхом, пономарь извещил о чуде священников, которые сначала не поверили ему, но, войдя в храм, убедились в истинности его слов. Они отправили в Коломну известие о случившемся. Епископ Митрофан удостоверился, что в коломенском храме вместо подлинного образа находится сделанный список. О чуде извещают царя Василия Ивановича, который просит прощения у чудотворца за то, что своей волей не позволил вернуть образ к прежнему престолу. Он жалует зарайских священников и обещает оградить каменной стеной Николин образ.

Впервые Коломенские эпизоды стали предметом специального анализа в монографии А.Б. Мазурова¹¹. Этой части Заразского цикла посвящена специальная глава: «"Коломенские чудеса" цикла повестей о перенесении чудотворного образа Николы Заразского как исторический источник». Глава состоит из следующих разделов: «Наблюдения над текстами и их соотношение» (имеются в виду «Коломенские чудеса»); «Источниковедческий анализ»; «Персоналии. Фигура Митрофана как ключ к пониманию текста»; «Чудеса как отражение стереотипов поведения. Бытовые детали»; «Топография Коломны и храмовая топография в частности». В исследовании А.Б. Мазуровым сделан ряд бесспорных выводов. На основе анализа текстов доказывается, что первый из Коломенских эпизодов был создан в Коломне человеком, близким епископу Митрофану — «кем-то из обитателей владычного двора»¹²,

¹¹ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М., 2001. С. 406 – 418. (Искренне благодарю автора за предоставленную возможность познакомиться с его работой. — И. А.)

¹² Мазуров А.Б. Там же. С. 417.

т. к. автор прекрасно знает топографию города и легко ориентируется в местной топонимике. Второй из Коломенских эпизодов был записан в Рязанской земле зарайскими священниками.

Исследователь согласился с выводом Б.М. Клосса, что в окончательном виде Заразский цикл сформирован при епископе Митрофане (т. е. до 1518 г. — времени ухода Коломенского иерарха с кафедры по болезни) после создания «Коломенских эпизодов». На основании данных Мазуринского и Устюжского летописцев подтверждается правильность указанной даты прихода в Коломну зарайских священников с образом Николая, спасавшихся от очередного татарского набега — 7021 год (по сентябрьскому году — с 1 сентября 1513 г. до 31 августа 1514 г.). В главе, посвященной анализу Коломенских эпизодов, содержится очень интересный и богатый топографический, исторический и фактологический материал. Однако некоторые выводы А.Б. Мазурова не вполне убедительны.

Так, вопрос о соотношении двух вариантов текста первого Коломенского эпизода требует дополнительного текстологического исследования. Автор монографии не проводил сопоставления известных к настоящему времени списков Коломенских эпизодов и не учитывал возможности соотношения их вида с разными редакциями «Повести о разорении Рязани». Потому сравнение опубликованного Д.С. Лихачевым текста 1-го Коломенского эпизода, завершившего цикл в редакции Б 2-го вида (РНБ. Собр. Погодина. № 643. Л. 153 — 160 об.), с вариантом, который читается в другом списке этой же редакции (ГИМ. Собр. Уварова. № 1823) и содержит оба Коломенских эпизода, а также отдельным списком 2-го Коломенского эпизода (ГИМ. Собр. Воскресенского. № 211), не вполне репрезентативно.

Прежде всего необходимо сразу оговорить, что Коломенские эпизоды не имеют обширной рукописной традиции. И даже в том крайне небольшом количестве списков, которые известны, первый из эпизодов может встречаться без 2-го¹³.

Кроме двух видов 1-го Коломенского эпизода, которые были введены в научный оборот Д.С. Лихачевым¹⁴, нам

¹³ Так, например, среди списков XVII в., которые находятся в рукописных собраниях С.-Петербурга, Коломенских эпизодов нет вовсе в РНБ. 1) Собр. Погодина. № 1570; 2) ОЛДП. Q. 235; БАН 16.15.8 (ред. А); РНБ. 1) Собр. Погодина. № 1574; 2) Собр. Титова № 3764; БАН. Собр. Арх. К — 51 (ред. Б 1-го вида); РНБ. 1) Собр. Соловецк. № 837/947; 2) Собр. ОЛДП. 3) F. 97 (ред. Б 2-го вида). В рукописи БАН 13.2.23 читается только «Сказание о перенесении Николина образа» и 1-й Коломенский эпизод. В рукописи РНБ. Соловецк. собр. № 906/1016 читаются: «Сказание...» — «Род поповский» — «Повесть о разорении Рязани Батыем» — 1-й Коломенский эпизод. В БАН хранится рукопись [4.7.3], где объединены «Сказание...», «Повесть о разорении Рязани...» (в ред. Б 2-го вида) и 1-й Коломенский эпизод. Иными словами, «рыхлость» состава Заразского цикла подтверждается наблюдениями над составом конкретных рукописей.

¹⁴ См.: Лихачев Д.С. Повести о Николае Заразском... С. 343 — 349.

удалось обнаружить еще два. Первый из них читается в рукописи Троице-Сергиева монастыря последней трети XVII в., который хранится в БАН (13.2.23. Л. 69 об. — 71 об.). Он образует со «Сказанием о перенесении Николина образа» своего рода «мини-ансамбль» и имеет ряд отличий от изданного текста, который был обозначен А.Б. Мазуровым как КЭ-1/1¹⁵. Так, приказ царя Василия Ивановича воздвигнуть церковь в честь Николы чудотворца дополнен следующим образом: «и списати же список с чудотворнаго образа и послати во град Зарасский» (Л. 69 об. — 70). После известия о том, что на два престола служили «2 года и пять на десять недель», епископ Митрофан Коломенский повелел в отстроенном храме «служити двема иереома да диакону, а дву иереевъ да диакона послал во Зарасский /с/ спискомъ к старому престолу» (Л. 70). В этой рукописи повествование о краже из церкви оклада чудотворного образа и переживаниях горожан и епископа более эмоционально, чем в других: «кто таковы новы Ария иконоборецъ окаянны, неустрашны Божий враг, како смѣль дерзнути на таковы пресветлы образ» (Л. 70 об.).

Еще один обнаруженный список 1-го вида Коломенского эпизода завершает цикл, образованный «Сказанием о перенесении Николина образа...»; «Повестью о разорении Рязани...» (в ред. А); 1-м Коломенским эпизодом, текст которого в конце повествования «перебит» окончанием 2-го Коломенского эпизода; завершается подборка «Повестью об убиении Батыя». Эта рукопись, принадлежавшая в XVIII в. князю Д.М. Голицыну, хранится в Рукописном отделе БАН (16.17.21), в ней перепутаны листы. Текст 1-го Коломенского эпизода близок к КЭ-1/1, но в нем подчеркнута роль в коломенских событиях царя Василия Ивановича. Так, именно он «повелѣ воздвигнути храм каменный на площади во имя Николы Заразскаго ... а список с чудотворнаго образа списав послать в Зараескъ» (Л. 184 об.). Он же приказал служить в новом храме «двѣма иерѣома да дякону». Далее сообщается, что «дву иереевъ да дякона отпусти владыко на Резань со образом к старому престолу. И священницы заразския поставиша у стараго престола образ — церковный Николин списак. А служили на Коломне у чудотворнаго образа два года и 15 недель» (Л. 184 об. — 185). Интересно, что и во фрагменте 2-го Коломенского эпизода зафиксирован особый вид текста. Послание епископа Митрофана царю Василию с рассказом о чудесах Николина образа доведено до описания последнего чуда — исцеления Климента. Оно обрывается на середине фразы, и далее читается послание Митрофана, но уже о чудесном возвращении чудотворной иконы в Зарайск (т. е. послание из 2-го сказания о Коломенском чуде): «а чудотворный

¹⁵ См.: Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... С. 407 — 409.

великий Николин образ Корсунский с Коломны стал во граде Заразске собою, а списакъ, что и доднесь стоит на Коломне, — в новом храмѣ чудотворца Николы Заразскаго святительстѣмъ. Чудотворный Николин образъ Корсунский стоит в Зарайскѣ неподвижен, а списокъ стоит на Коломнѣ. Благовѣрный же великий князь Василей Иванович самодержец слыша таковыя чудеса от чудотворнаго образа и повелѣ с Коломны к себѣ, государю, ездити с праздничною святою водою дважды на году священнику да дьякону» (Л. 186 об. — 187).

Сопоставление чтений известных списков позволяет предположить, что в первоначальном тексте 1-го из «Коломенских сказаний» содержалось сообщение о написании с иконы списка (по приказу царя Василя Ивановича или по повелению Митрофана) и отправке его с двумя священниками и дьяконом в Зарайск, так как оно читается как в обнаруженных вариантах К 1/1, так и в Уваровском списке 1-го Коломенского эпизода, который был обозначен А.Б. Мазуровым как 2-й вид 1-го Коломенского эпизода. Обнаруженные нами варианты подтверждают, что в рассказе о строительстве храма в честь Николы более частым чтением является «на площади», а не «посреди торжища» (как в Уваровском списке). Однако стоит обратить внимание на то, что индивидуальное чтение «посреди торжища» содержится в рассказе о повелении царя. Потому особенность топографии Коломны, где площадь и торжище были разведены, хорошо известная местным жителям, могла бы быть проигнорирована государем, т. к. в большинстве случаев в то время эти слова выступали в качестве полных синонимов.

Предложенная А.Б. Мазуровым датировка создания Коломенских эпизодов не бесспорна. Исследователь объединил для установления времени написания сведения обоих «Коломенских сказаний». В то время как большинство списков 1-го из них определенно называют время, когда служба велась «на два престола» — 2 года и 15 недель, а потому возвращение древней корсунской иконы к своему престолу следует отнести к 1516 г. (по сентябрьскому летосчислению). Однако историк обратил внимание, что в единственном списке привлеченного им к исследованию 2-го Коломенского эпизода сообщается, что зарайские священники «не служили у чудотворного образа от 6 декабря (день Николы Зимнего) неизвестного года до Крестопоклонного воскресения Великого поста 9 марта неизвестного года»¹⁶. Далее в расчет А.Б. Мазурова вкралась случайная ошибка: справедливо указав на то, что Пасху отделяет от Средокрестного (или Крестопоклонного) воскресения полных 4 недели,

¹⁶ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... С. 410.

исследователь назвал числом расчетной даты 4 апреля (которое пришлось на 1518 г.).

Сделав простой арифметический подсчет, нетрудно убедиться, что если Крестопоклонное воскресенье падает на 9 марта, то Пасхальное приходится на 6 апреля (и никак иначе). Но в интересующий нас период — время служения на епископской кафедре Митрофана — Пасхальное воскресенье ни разу не праздновали 6 апреля¹⁷. Известно, что в 1513 г. Пасха приходилась на 27 марта (Крестопоклонное воскресенье — 27 февраля); в 1514 г. — на 16 апреля (Крестопоклонное воскресенье — 19 марта); в 1515 — на 8 апреля (Крестопоклонное воскресенье — 11 марта); в 1516 — на 23 марта (Крестопоклонное воскресенье — 23 февраля); в 1517 — на 12 апреля (Крестопоклонное воскресенье — 15 марта), в 1518 — на 4 апреля (Крестопоклонное воскресенье — 7 марта)¹⁸. Таким образом, дата Крестопоклонного воскресенья 9 марта, к сожалению, не позволяет памятнику обрести четкую хронологическую основу.

Даже если предположить, что переписчик просмотрел «и десятиричное» в своем источнике и вместо 19 марта написал 9, то Пасха, которая в этом случае выпадает на 16 апреля¹⁹, приходится на 1514 г., что никак не соотносится с другими датами: за лето 1514 года храм во имя Николы в Коломне могли лишь построить и начать внутренние работы. Есть вероятность их окончания к празднику Николы Зимнего. Если отсчитать от декабря 1514 г. 2 года и 15 недель, то мы получим двадцатые числа марта 1516 г. — наиболее вероятное время окончания служб на два престола. Пасха в 1516 г. действительно приходится на 23 марта, что подкрепляет датировку по тексту первого Коломенского эпизода. Таким образом, время создания первого из них действительно приходится на время пребывания на епископской кафедре Митрофана. Что касается второго эпизода, то он мог быть создан позднее (отсюда неувязка с датой Крестопоклонной недели), но придавал полную завершенность циклу (потому имя епископа соответствует времени действия).

Рассмотрим принципы сюжетной организации так называемых «Коломенских чудес», определив их роль в составе Зараского цикла, и выявим основные мотивы.

Итак, первый из Коломенских эпизодов в большинстве списков не имеет названия, но содержит точное указание на время действия (что характерно для жанровой формы сказания о чудесах): «В лета 7021-го году придоша крымския люди на Рязаньския украины. И чудотворца Николы Зараского

¹⁷ См.: Романова А.М. Хронология // Специальные исторические дисциплины. Учебное пособие. СПб., 2003. С. 548.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Празднование Воскресения Христова в этот же день было в 1525 и в 1536 гг., что может «разделить» во времени создание 1-го и 2-го Коломенского эпизодов.

священницы взя чудотворный образ, и пришли на Коломну ради татарского нахождения»²⁰. Повествование следует этикетной схеме, но при этом достаточно кратко: «Епископ Митрофан Коломенский чудотворный образ встретил со всем градом. Великий же чудотворец Николае Заразски показа милость на граде Коломне – учал миловати множество народа, исцеляя болезными одержимыя». Далее уточняется место действия: «И поставиша чудотворный образ в церкви Петра-чудотворца»²¹. После чего составителем сообщается, что епископ послал весть о чудесах от иконы царю Василию Ивановичу, который приказал поставить в честь Заразского образа каменную церковь посреди площади и сделать список с чудотворной иконы. За единое лето епископ поставил храм и повелел служить в нем двум попам и диакону, а сделанный список с зарайскими священниками был отпущен в Рязань. По дьявольскому наущению некий серебряных дел мастер по прозванию Козлок пробрался в церковь и украл оклад с иконы. Далее сюжет развивается, не вполне опираясь на канон. Козлок не был наказан святым за свое святотатство (т. е. в «Сказании...» оказался нереализованным привычный топос); в тексте отмечается, что епископ и народ дивились: «како сме дерзнути на чудотворный образ, како не усуже рука его и не разслабеша уды его».

Вместо наказания согрешившего описано спасение праведного. Созонт Киселев, боголюбивый муж, лежал неподвижно 8 лет. Ему явился «великий святитель и чудотворец Николае образ Заразской», который повелел идти к епископу и сказать, что оклад украл Козлок и спрятал его «пред избою, под мостом, в корчаге в земле». Созонт отрицался от данного ему святым повеления невозможностью пошевелиться. Но Никола «подъя Созонта», и исцеленный от тяжкого недуга поспешил к епископу, которому подробно поведал о случившемся чуде и о том, кто посмел оскорбить святыню, похитив оклад. Епископ сначала отдал приказание «звонити на мног нас», собрал множество народа, чтобы все порадовались великому чуду исцеления больного святителем Николой. Только после этого, облекшись в торжественные одежды, епископ, взяв чудотворный образ, «поидоша за реку Коломянку на Чюру х Козлоку сребряному мастеру». И никто, кроме самого Митрофана и Созонта, не знал, зачем пошли они и куда. Далее автор «Сказания...» сообщает, что Козлок «срете у врат чудотворный образ и епископа, и поведи ему приклад чудотворнаго образа, не пытан, и не вопрошан. И сказа ему все по ряду еже содея. Епископ же взя приклад чудотворнаго образа и поиде во град, слава Бога и его чудотворца Николу».

²⁰ Текст приводится по рукописи БАН. 16. 17. 21.

²¹ Сведений о месте, где находился данный храм, не сохранилось. См.: Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... С. 416.

Близ Ивановских ворот происходит еще одно чудо: некий нищий, глухой и немой от рождения по имени Климент «и увиде чудотворный образ, и в той час воскрича, и услыша, и проглагола. Епископ же виде велие чудо, и страхом объят быв, и возрадовася со всем градом». Завершается Сказание известием о том, как епископ Митрофан послал к государю Василию Ивановичу известие о чудесах «великаго чудотворца Николы Зараскаго: како расслабленного исцели, и како яви приклад свой, и како глуха и нема ... исцели». После чего государь благодарил Бога, и Богородицу, и Николу, прислав епископу Митрофану и всему собору «милостыню довольну, и веля молити» Бога, и Богородицу, «и угодника их великого и чудотворца Николу ... о своем государевом здравии, и о благоверной великой княгине, и о братне здравии, и о всем православии». В нашем списке сообщается также о том, что царь Василий Иванович приказал дважды в год приезжать священнику и дьякону к себе в Москву со святой водой.

Как мы видим, повествование о чудесах святителя в этом Сказании не вполне этикетно. Самым большим отступлением от традиций оказалась сюжетная линия, связанная с образом злодея – «сребреника» Козлока, укравшего оклад иконы²². Кроме привычного указания на причину совершенного греха: «И завидник и ненавистник роду христианскому враг устрели в сердце некоего сребрянаго мастера» – в первом коломенском Сказании остается нереализованным мотив наказания. Козлок фантастическим образом избежал кары: «не усуше рука его и не разслабеша уды его», чему дивятся и епископ, и жители Коломны. Более того, даже после того, как епископ узнал имя вора и пришел с Созонтом к его двору, а Козлок признался в содеянном, составителем «Сказания...» ничего не сообщается о наказании (уже человеческом, не чудесном) мастера, совершившего не только грех святотатства, но и вполне реальное преступление²³. Поразительно, что после обретения иконного оклада и ухода епископа и Созонта с людьми со двора Козлока,

²² Оклад, бывший частью иконы, освящался ею. «Драгоценный образ драгоценного» – один из важных постулатов византийского искусства, который был разработан Иоанном Дамаскиным. См.: Стерлигова И.А. О значении драгоценного убора в почитании святых икон // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси... С. 126. В другой работе исследовательница отметила: «Символика убора, его внутренняя связь с образом раскрываются лишь в системе координат средневекового литургического искусства... Традиция оформления иконы как святыни, ее бережения и украшения коренится в самих основах иконопочитания – ведь каждая икона была не только образом божественного мира, но его реальным присутствием на земле». См.: Стерлигова И.А. Икона как храм: Пространство моленного образа в Византии и Древней Руси // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 614.

²³ А.Б. Мазуров отметил: «Что касается самого факта кражи, то он не кажется удивительным. При описании Коломны 1577/78 гг. писцы отметили убывь некоторых вещей во время "покражи" кафедрального Успенского собора. На этом фоне грабеж рядового приходского храма не выглядит исключительным» (Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... С. 414). Этот реальный комментарий, безусловно, важен, но мы исследуем литературный мотив.

признавшегося в преступлении, «сребреник» словно остается в своем доме. Ни о его раскаянии, ни о наказании, ни о прощении в повествовании сведений не приводится.

Как представляется, это произошло потому, что в первом Коломенском эпизоде повествуется, главным образом, о милостях Николы и его иконы. Сначала, как мы помним, вскользь сообщается о многих людях, избавленных от болезней чудотворной Заразской иконой («учал миловати множество народа»). В новой каменной церкви, построенной в Коломне, святитель «показа милость свою». Центральный эпизод сказания — исцеление боголюбивого мужа Созонта Киселева, много лет лежавшего без движения. Нищий Климент оказывается исцелен от глухоты и немоты, просто взглянув на образ. Коломна предстает в «Сказании...» городом, наполненным милостью и чудесами Николы чудотворца. Потому в памятнике, на наш взгляд, не содержится рассказа о наказании вора.

Епископ Митрофан Коломенский является по существу главным действующим лицом первого Коломенского эпизода²⁴. Именно он встречает икону Николы Заразского; он пишет о ее чудесах царю Василию III; он строит каменную церковь по приказу государя; он скорбит о краже оклада; к нему по приказу явившегося Николы Чудотворца приходит Созонт с рассказом об исцелении и раскрывает имя вора и место похититель спрятал оклад; он идет с образом за Коломянку на Чуру к Козлоку; он забирает оклад; проходя через Ивановские ворота, он видит исцеление Климента; он сообщает о новых чудесах царю; он получает дары и повеление молиться за царя, царицу и государевых братьев.

Второе из Коломенских сказаний можно отнести к более традиционным текстам. Оно подтверждает «недвижимость» Заразского образа, логически завершая тему странствия иконы.

В начале 2-го Коломенского эпизода сообщается, что «служители великаго чудотворца Николы Заразского нача в себе помышляти, яко не мочно нам на два престола служити» и стали молить государя, чтобы тот «отпустил чудотворный Николы образ Заразскаго к старому престолу на Рязань». Но тот не повелел, приказав отпустить «старых попов Никольских ... к старому престолу на Рязань служити». Отметим, что данные сведения дублируют сообщение, которое содержится в 1-м Коломенском эпизоде: согласно его тексту, после того, как был готов список с иконы Николы Заразского, епископ повелел «новой той образ» отпустить «и двух попов и диякона, к старому престолу на Рязань»²⁵. «И священницы заразкия начаша скорбети, что осташа

²⁴ О епископе Митрофане, его роли в жизни Василия III и Коломенских сказаниях см.: Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... С. 411 — 413.

²⁵ Текст 2-го Коломенского эпизода цитируется по изданному Д.С. Лихачевым списку ГИМ. Собр. Воскресенск. № 211.

великого чудотворца Николы Корсунского и Заразского образа. И не быша у великаго чудотворца Николы ... на Резани от декабря шестого числа до марта 9-го числа». А 9 марта совершается великое чудо: «на третьем часу дни прииде пономарь в церковь уготовати к божественной литургии, и виде чудотворный образ – чудотворца Николу – стояше в церкви на своем месте, и с прикладом и пеленами, яко же и прежде, яко светило светяше велие». Пономарь поспешил к священникам и поведал им о чуде. Но те не поверили, решив, что «неистов есть и во исступлении ума глагола». Однако пономарь стоял на своем, и, когда все вошли в церковь, увидели «чудотворный образ на своем месте стоящ, и страхом и радостью объятии быхом, а которой образ Николин поставлен в чудотворного образа место – того образа в церкви несть».

После этого священники едут в Коломну к епископу Митрофану, которому и поведали о чудесном возвращении чудотворной иконы Николы в Рязань. Епископ видит, что «который образ Николин стоял на Резани – в чудотворного образа место – тот образ стоял на Коломне, на чудотворного образа место». Епископ Митрофан послал гонца к царю Василию Ивановичу «поведати ему – чудотворец Николае отиде к старому престолу на Резань невидимо». Узнав о чуде, государь стал говорить: «О великий чудотворец Николае! Прости мя, что ти не поволех иди к старому престолу. Да учиню тебе церковь и ограду камену, чтобы твой чудотворный образ стоял во веки недвижим». Обет свой самодержец исполнил «не по многих летах».

Во втором из «Сказаний...» образ Николы Заразского возвращается к своему престолу самостоятельно, «невидимо», без помощи кого-либо из смертных. Отступлением от этикетного повествования можно считать отсутствие конкретных имен участников действия (пономарь и заразские священники лишены всякой – даже первичной – конкретизации). Однако мысль составителя второго из коломенских эпизодов понятна: чудесный уход из Коломны и возвращение к своему престолу демонстрирует невозможность перемещения иконы, избравшей место своего пребывания почти 3 века назад. Этот мотив – возвращение иконы к своему престолу – получил развитие в различных сказаниях об иконах в XVII в.²⁶ В «Сказании о чуде возвращения Николина образа в Рязанскую землю» цикл получает завершение своего сюжета:

²⁶ См., например, «Сказание об иконе Богоматери Владимирской в Нерехте»; «Сказание о чудесах Богоматери Умиление в Новгородской Троицкой церкви» (прежде всего эпизод, в котором повествуется о явлении увезенного из Новгорода Иваном III образа княгине Марии и требовании вернуть икону на прежнее место); «Чудо о исшествии трех икон во граде Пскове» (эпизод о возвращении одной из них три года спустя на свое место).

в редуцированном виде во втором из коломенских эпизодов изложена история чудесного странствия иконы. Но если в «Сказании о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань» икону нес Евстафий, а путь был долгим и опасным, то во втором «Коломенском чуде» икона исчезает сама и ее путешествие занимает лишь ночь. Пределы Рязани оказываются тем местом, которое было избрано самим Николой Корсунским как «недвижимый престол». Таким образом, второй из Коломенских эпизодов действительно был создан в Рязанской земле кем-то из «служителей зарайских». Возможно, составление списка всех священников, потомков Евстафия, служивших иконе Николы, было продиктовано стремлением обосновать необходимость постоянного пребывания древней святыни в Зарайске уже в более позднее время.

Сказания о Коломенских чудесах, как мы пытались показать, были составлены в достаточно близкое событиями время. Первое Коломенское сказание, известное теперь в 4-х видах, стало произведением, «открывшим» общерусское почитание иконы Николы Корсунского (Зарайского). Во втором Коломенском сказании, созданном в Рязанских пределах, утверждалась незыблемость связи чудотворного образа с избранной им некогда землей. Коломенские эпизоды завершали кольцевую композицию Сказаний о чудесах Николы и его иконы (потому в некоторых списках они образуют мини-ансамбль). Создание Коломенских эпизодов в 1516 – 1517 гг. объединило в тематический цикл разнородные и разновременные произведения, которые получили название Зарайского цикла.

Однако наряду с этим – местным – циклом в рукописной традиции обнаруживаются еще как минимум два тематических цикла. Первый из них образован «Сказанием о перенесении Николина образа из Корсуня», «Повестью о разорении Рязани Батыем» и легендарной «Повестью об убиении Батя». Второй – исторический – «Повестью о битве на реке Калке», «Повестью о разорении Рязани Батыем», «Сказанием о Мамаевом побоище» (или «Казанской историей»). Возможность произведения составлять ансамбли с различными литературными памятниками расширяет возможности его восприятия, обнаруживает различие в интерпретации литературного текста в различных исторических обстоятельствах и демонстрирует многовариантность в подходах к материалу.